

УДК 94(470):364"18/19"(045)

*А.Д. Грудина***«ЗАКОН О ПАЙКАХ» И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Статья основывается на ряде впервые вводимых в научный оборот архивных источников и посвящена одному из направлений в системе социальной защиты семей военнослужащих в Российской империи. Автор кратко рассматривает развитие законодательства в области социальной помощи солдатским семьям с момента принятия «Временных правил по призрению семей запасных и ратников государственного ополчения» 1877 г. и изменения этого закона в виде «временных правил» в 1912 г. до начального этапа Первой мировой войны, внесшей свои коррективы в российское законодательство. В статье отслеживается процесс влияния «военного фактора» на формирование нового механизма воздействия на солдат, находившихся на фронте, при помощи изменения закона «О пайках». Быстрота обсуждения и принятия этого закона вне стен Государственной думы явилась ответом на проблемы, связанные с добровольной сдачей военнослужащих в плен и массовым дезертирством. На основе документов, хранящихся в Российском военно-историческом архиве (РГВИА), воспроизводится обсуждение принципов нового закона, наглядно демонстрируется участие в нём штаба Верховного главнокомандующего и Министерства внутренних дел. В статье отражаются проблемы, связанные с этим взаимодействием, приведшие в дальнейшем практически к прямому противостоянию военных и гражданских властей, ускорившему процесс революционизирования страны.

Ключевые слова: Первая мировая война, законы о социальной помощи семьям военнослужащих, паёк, дезертирство, военнопленные.

Первая мировая война стала не только самой масштабной для своего времени, столкнув на борьбу друг с другом миллионные армии, — она явила совершенно новые подходы практически ко всем сторонам жизни и фронта, и тыла, кардинально изменив привычную повседневность столичных и провинциальных городов, сёл и деревень. Опыт предшествующих войн сохранял свою актуальность во многих сферах, но чаще служил лишь своеобразным отправным моментом для решения проблем, которые влекли за собой кардинальные изменения в законодательстве и в общественно-политической практике.

Иллюстрацией к сказанному может служить одна, казалось бы, несущественная поправка к закону 25 июня 1912 г. «О призрении нижних чинов и их семейств». Изменения касались «дополнительных законодательных предположений», разработанных Министерством внутренних дел и принятых в виде «Высочайше утвержденного положения Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров» [5].

В современных исследованиях изучение процесса разработки и осуществления мер социальной защиты, предпринятых в годы Первой мировой войны в Российской империи, не было обойдено вниманием российских историков. Так, в статье Н.Л. Пушкарёвой и П.П. Щербинина раскрываются особенности повседневной жизни женщин в семьях солдат, влияние «военного фактора» на формирование их социальной психологии и жизненной позиции [11]. Можно назвать и другие исследования, в которых рассматривается деятельность городских и волостных попечительств о семьях солдат в 1914–1917 гг. [6, 2, 9].

Однако совершенно очевидной выступает необходимость введения в научный оборот новых документов, отражающих процесс реализации социальной политики на местах, свидетельствующих о степени участия заинтересованных лиц в эффективности предпринимаемых мер. Ещё одно важное направление исследования — это взаимодействие или противодействие военных и гражданских властей в реализации социальной политики государства [1]. Эти, довольно частные вопросы, зачастую касавшиеся лишь отдельных лиц, на самом деле содержали в себе важное условие обеспечения связи фронта и тыла, поддержания авторитета власти.

Как небольшое предисловие к рассматриваемому вопросу кратко осветим его предысторию. В 1877 г., вскоре после введения Устава о воинской повинности (1 января 1874 г.), который вступил в силу одновременно с новым законом о всеобщей повинности, были приняты Временные правила по призрению семей запасных и ратников государственного ополчения (25 июня 1877 г.). На основании именно этого документа предпринимались меры социальной защиты в отношении членов солдатских

семей в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Тогда из обследования Московской губернии вытекало, что на каждого запасного, взятого на службу, приходилось по 2,76 члена семьи, в начале Первой мировой это число выросло до 3 чел.

Временные правила, практически не получившие до начала военных действий на Дальнем Востоке проверки на практике, создавали у земств и городских дум существенные трудности их реализации. Наибольшие из них были связаны с соблюдением требования закона о праве на призрение лишь семей, не имевших достаточных собственных средств к существованию (статья 1) [4, стлб. 637]. Многочисленные разногласия на этой почве усугублялись невозможностью со стороны местных учреждений, имевших многочисленные обязанности в области ведения местного хозяйства, проводить тщательное имущественное обследование, в конечном итоге перепорученное волостным старшинам. В результате в губернские и в центральные учреждения посыпались многочисленные жалобы на неправомерный отказ в выдаче пособий.

Иного результата нельзя было ожидать не только по причине субъективности действий старшин, но и из-за отсутствия единых условий оценки имущественной состоятельности просителей. Не только между отдельными губерниями, но и в уездах помощь оказывалась в разных размерах, поскольку, согласно закону, она была отнесена к местным повинностям, и было вполне естественным стремление со стороны земств принять все необходимые меры к их сокращению.

Наконец, статья 5 закона 1877 г. предусматривала «возложение на самих нуждавшихся обязанности заявлять о своей нужде» [4, стлб. 638]. Сельское население, в своем большинстве не умевшее пользоваться предоставляемыми ему законом правами, заявления о предоставлении льгот обычно не делало и оставалось вне учёта.

Отмеченные недостатки во многом были учтены в новом законе, принятом спустя ровно 35 лет — 25 июня 1912 г. в виде Временных правил. Поддержка семей теперь должна была осуществляться из средств государственной казны, отменялся принцип имущественной состоятельности. Государство инициировало создание особых органов в виде городских и волостных попечительств в сельской местности для обследования семей и постоянного наблюдения за возможными в их составе изменениями. Наконец, помощь распространялась не только на жену и детей (личная семья) призванного, но и на родителей, деда, бабу, братьев и сестёр, если было доказано, что эти лица содержались за счёт труда находившегося в рядах армии.

К недостаткам новых правил можно отнести то обстоятельство, что, возложив расходы по призрению семей запасных всецело на казну, функции реализации закона были поручены также органам местной администрации (уездные съезды и губернское присутствие), исключив участие земств в этом деле.

Положение урегулировал Указ Правительствующему сенату 29 августа 1914 г., в соответствии с которым в состав губернского присутствия или соответствующего ему учреждения включались члены губернской земской и городской управы губернского города [7, с. 208–210].

Наконец, следует отметить, что закон 1912 г. ограничил помощь семьям призванных на действительную службу, исключив право на получение квартирного пособия с отоплением. Такой вид помощи в годы войны с Японией получил в городах широкое применение.

В сельской же местности квартирные пособия выдавались лишь в редких случаях. В своём большинстве там практиковалась натуральная помощь семьям воинов в обработке и уборке полей, подвозе дров и т. п. [4, стлб. 641–642]. По закону 1912 г. помощь предусматривалась в виде ежемесячного денежного пособия, которое определялось из расчёта стоимости продовольственного пайка (статья 63), включавшего в себя «не менее одного пуда двадцати восьми фунтов муки (1 фунт = 0,45359237 кг), десяти фунтов крупы, четырех фунтов соли и одного фунта постного масла в месяц» [10]. Детям, не достигшим пятилетнего возраста, продовольственное пособие выдавалось в размере половины стоимости обозначенных продуктов. Согласно статье 65, стоимость пищевых продуктов, входивших в состав «кормовой нормы (пайка)», после объявления войны определялась в каждой конкретной местности (уезде, округе, волости, гмине, станице) [10].

Рост цен на сельскохозяйственную продукцию в условиях начавшихся военных действий — один из главных признаков изменений, происходивших и в России, и в других странах, втянутых в войну. Призывы мужского населения в армию, реквизиция лошадей и скота, а как следствие — сокращение посевных площадей зерновых культур (в России с 94 млн га в 1913 г. — до 85 млн га в 1917 г.) [13, с. 76] создавали серьёзные проблемы в снабжении населения продовольствием. Кормо-

вой паёк приобретал особое значение, а недостатки, связанные с реализацией закона 1912 г., с уменьшением размеров помощи в условиях нарастающей инфляции, привели к росту недовольства в семьях призванных на войну и нарастанию ощущения социальной несправедливости. Требование увеличить размеры продовольственных пайков явилось одним из лозунгов будущей Февральской революции 1917 г.

В условиях же набиравшего размах военного противостояния военные власти решили использовать помощь семьям военнослужащих как своеобразное препятствие для сдачи нижних чинов в плен и дезертирства.

Так, в штаб Верховного главнокомандующего 3 марта 1915 г. обратился тамбовский губернатор в связи с требованием двух командиров полков (Белебеевского и Аварского) о прекращении выдачи казённого пособия в виде пайков семьям провинившихся, по их мнению, солдат. Согласно утверждению офицеров, приславших списки нижних чинов, 25 декабря 1914 г. и 7 февраля 1915 г. их подчинённые добровольно перешли с позиций к неприятелю, исходя из чего, губернатор просил штаб Верховного главнокомандующего сообщить, следует ли прекратить выдачу продовольственного пайка семьям, сдавшихся в плен нижних чинов [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 13].

4 марта 1915 г. Ставка Верховного главнокомандующего получила телеграмму от тогдашнего министра внутренних дел Н. А. Маклакова, адресованную генерал-адъютанту, начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу. Обращение было вызвано тем, что губернаторы присылали в Министерство внутренних дел запросы по поводу решения военных властей о лишении казённых пайков семей нижних чинов, сдавшихся в плен без употребления оружия. Таких распоряжений от губернских властей требовали командиры воинских частей, а официальных решений по этому поводу не было.

Министр отмечал: «Отобрание <...> произведённых уже таким семьям выдач практически трудно выполнимо, потому полагал бы желательным ограничить прекращение выдач будущими очередными сроками, если такое распоряжение со стороны Верховного главнокомандующего действительно последовало» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 10].

На бланке телеграммы, хранящейся в Военно-историческом архиве, сохранилась резолюция, написанная карандашом: «Это единственный способ, но при обязательном условии объяснения населению, что это добровольно [подчёркнуто в тексте. — А. Г.] сдавшиеся в плен, а не с бою, вроде XX или XV корпуса» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 10].

Речь в данном случае шла о XX корпусе под командованием генерала П. И. Булгакова, который в феврале 1915 г. на Северо-Западном фронте попал в окружение и был разгромлен в ходе наступления немецких войск в Восточной Пруссии. Однако своей гибелью корпус сорвал план немецкого командования, планировавшего взять в «клещи» Русскую армию. Трагична судьба и XV армейского корпуса, почти полностью уничтоженного в ходе операции в Восточной Пруссии в августе 1914 г. в составе 2-й армии. В ходе операции в плену оказалось 16 генералов, среди которых был и командующий корпусом генерал Н. Н. Мартос [8, с. 95].

Неудачные военные операции Русской армии, повлекшие пленение значительного числа военнослужащих, вызвали необходимость создать условия, при которых добровольная сдача в плен влекла бы серьёзные последствия не только для солдат и офицеров, но и для их семей. Правовой же основы для принятия таких мер в начале 1915 г. было недостаточно.

Более того, инициатива штаба Верховного главнокомандующего была неизвестна не только Министерству внутренних дел, но и военным властям в Петрограде, поскольку 5 марта 1915 г. последовало общение по прямому проводу с исполняющим дела начальника Генерального штаба, будущего последнего военного министра Российской империи, генералом М. А. Беляевым, который просил дать скорейший ответ на телеграмму министра внутренних дел «относительно распоряжения о прекращении выдач пайка семействам, подозреваемых в сдаче добровольно в плен» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 11].

Ответ Н. Н. Янушкевича на телеграмму министра последовал 8 марта 1915 г. В нём он отмечал, что применение меры лишения казённых пайков семейств нижних чинов, сдавшихся добровольно в плен, целесообразно в будущем осуществлять на основании сведений, получаемых начальниками губерний и областей от военного начальства. «Желательно также одновременно с приведением меры исполнения, — дополнял начальник штаба, — объявлять населению через подлежащие учреждения во всеобщее сведение поимённый список добровольно сдавшихся, с указанием, что семейства означенных лиц, не исполнивших своего долга перед Отечеством, не могут наравне с прочими пользоваться пособием казны» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 12].

После состоявшихся переговоров министр внутренних дел сообщил об их ходе в Совет министров, который признал необходимым немедленно осуществить эту меру законодательным порядком по статье 87 основных законов. Эта статья предусматривала право правительства в случаях возникновения чрезвычайных обстоятельств, в промежутках между сессиями Государственной думы издавать указы, с одобрения императора, которые приравнивались к законам. «Однако не позже двух месяцев после начала очередной сессии министр, ответственный за изданный указ, обязан был представить в парламент законопроект, соответствующий указу» [3, с. 177]. Если же этого не происходило или Дума отклоняла указ, то он считался упразднённым. В данном случае использование статьи 87 было необходимо, поскольку она изменяла установленные высочайше утверждённым законом 25 июня 1912 г. и указом Правительствующему сенату 29 августа 1914 г. меры «призрения семей нижних чинов, призванных на действительную военную службу».

Министерство внутренних дел, иницируя новый закон, отвечало за его разработку, поэтому министр обратился с разъяснениями по некоторым пунктам в Ставку Верховного главнокомандующего. Возникло две проблемы, требовавшие пояснения: отношение к случаям дезертирства и способы объявления семьям о причине лишения пайка. По первому вопросу Н. Н. Янушкевич дал однозначно утвердительный ответ: «Распространение означенных правил на семьи дезертиров весьма желательно, распоряжение о доставлении сведений о случаях дезертирства будут отданы» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 15].

Относительно объявления семье о лишении пайка Н. А. Маклаков считал, что это «удобнее всего производить в пункте его раздачи в ближайшую очередь в присутствии прочих получателей» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 14]. В штабе посчитали необходимым внести в этот вопрос поправку, подтверждая, что желательно это делать в пункте раздачи, но из-за больших промежутков времени между сроками выдачи пособий в сельской местности, предлагалось публично объявлять о таких фактах населению сразу после получения губернаторами сведений от командиров частей [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 15].

Высочайше утверждённый закон от 15 апреля 1915 г. включил в себя пункты, обсуждённые министром внутренних дел со Ставкой Верховного главнокомандующего: семьи нижних чинов, о которых следовали уведомления от военного начальства об их добровольной, без употребления оружия, сдаче в плен, или об их бегстве со службы, лишались права на получение продовольственного пособия. Наряду с лишением пайка по закону полагалось скорейшее оповещение «населения о таких позорных деяниях чрез подлежащие учреждения и лиц, заведывающих выдачей пайка, а в сельской местности также и через должностных лиц крестьянского управления» [5].

Однако уже к середине сентября 1915 г. в полной мере проявились недостатки принятого закона. Об этом говорилось в специальном приказе нового начальника штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915 г.), генерала от инфантерии М. В. Алексева. В частности, выяснились неоднократные случаи ошибочных сообщений военных начальников о необходимости лишения семей пайка, основанные или на недостаточно проверенных данных, впоследствии опровергнутых, или на неправильном понимании сути закона, карающего сознательное нарушение присяги с целью уклонения от исполнения воинского долга.

Так, бывали случаи обращения к губернаторам о лишении пайков семей нижних чинов без вести пропавших или виновных лишь «в незначительных опозданиях из отпусков или отлучках от своих команд» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 35]. Неправильное признание солдат изменниками или дезертирами, несправедливый публичный позор, который вынуждены были испытать их семьи, потребовал более строгого подхода к распространению информации, предусматривавшей такого рода наказания. Сообщения гражданским властям «должны были исходить от военных начальников не ниже командира части и следовать лишь в случаях безусловной, подтверждённой очевидцами, верности факта добровольной сдачи в плен или в случаях побега из рядов армии с целью уклонения от исполнения воинского долга» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 35].

Последний пункт приказа имел принципиальное значение, поскольку Министерство внутренних дел посчитало необходимым издать особый циркуляр для подведомственных ему учреждений с разъяснением понятия «побег», то есть практически на основании собственной инструкции предоставляло право местным гражданским органам принимать соответствующие решения. Таким образом, допускалось неверное толкование закона 15 апреля 1915 г. о лишении пайков семей дезертиров, в котором говорилось о том, что его исполнение могло последовать «не иначе, как по получении соответ-

ствующего уведомления военного начальства», решавшего вопрос о том, был ли на лицо побег со службы и добровольная сдача в плен. Гражданские же власти по закону выступали только исполнителями указаний, исходивших от военных и не имели права давать оценку их сообщениям.

Разногласия возникли и по поводу возможности восстановления «права на паёк семей нижних чинов, добровольно вернувшихся из побега». Министерство внутренних дел заняло в этом вопросе позицию, с которой были не согласны военные власти. В сентябрьском приказе начальника штаба Верховного главнокомандующего говорилось о том, что «распоряжения о восстановлении права на паёк будут касаться лишь тех из нижних чинов, которые, по удостоверению военного начальства, продолжают честно нести службу в рядах армии» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 36об]. Очевидно, что это было совершенно справедливо, поскольку в условиях продолжавшейся войны, перспективы окончания которой в конце 1915 г. были ещё очень туманны, военнослужащий, права которого по той или иной причине были восстановлены, мог находиться несколько лет на театре военных действий, отличиться на фронте, но его семья продолжала бы испытывать нужду, будучи лишённой права на получение казённого пайка.

Министерство внутренних дел иначе смотрело на ситуацию, связанную с восстановлением «права на паёк семей нижних чинов, добровольно вернувшихся из побега». По мнению гражданского ведомства, «лишение пайка потеряет в глазах населения своё предупреждающее значение, если командирами частей будут постоянно отменяться распоряжения о лишении пайков, не говоря уже о подрыве авторитета власти, отдающей необоснованные распоряжения» [12. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 49. Л. 36об]. Ключевым словом в этом суждении было «постоянно», но совершенно очевидно, и это подчеркивало военное начальство, что такие случаи не могли носить массового характера и были единичными.

В спор вынуждено было вмешаться Главное военно-судное управление, начальник которого одновременно являлся главным военным прокурором. Это ведомство рассматривало жалобы и ходатайства, занималось пересмотром приговоров военных судов. В данном конкретном случае разногласия удалось преодолеть, но в дальнейшем, по мере усложнения ситуации на фронте и кризиса, углублявшегося во властных структурах, противостояния Ставки Верховного главнокомандующего и Министерства внутренних дел только усиливалось.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блохин В. Ф., Алферова И. В.* Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века – 1917 год) // *Новый исторический вестник*. 2016. № 3 (49). С. 32–48.
2. *Булгакова Л. А.* Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // *На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века*. СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 429–493.
3. *Виноградов В. В.* Император и Совет министров по основным государственным законам от 23 апреля 1906 г.: историко-правовой аспект // *Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та*. 2015. № 4 (99). С. 172–179.
4. *Временные правила 25 июня 1877 года и закон 25 июня 1912 года по призрению семей запасных и ратников государственного ополчения* // *Призрение и благотворительность в России*. Пг., 1914. Август-сентябрь. Стлб. 635–642.
5. Высочайше утвержденное положение Совета министров. О прекращении выдачи пайка семьям добровольно сдавшихся в плен и дезертиров // *Собрание узаконений*. 1915. Отд. 1. 29 апр. Ст. 988.
6. *Долидович О. М.* Попечительства о семьях призванных солдат в 1914–1917 гг. (на материалах Барнаульского уезда Томской губернии) // *Вестн. Томск. гос. ун-та. История*. 2017. № 45. С. 16–21.
7. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату 29 августа 1914 г. О порядке приведения в действие закона 25 июля 1912 года, в части, касающейся призрения семейств нижних чинов, призванных на действительную военную службу // *Авербах О. И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Изд. 2-е. Пг., 1916. Т. 1. С. 208–210.
8. *Нагорная О. С.* Русские генералы в германском плену в годы Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2008. № 6. С. 94–108.
9. *Павлова И. П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2003. 152 с.
10. Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // *Собрание узаконений*. 1912. Отд. 1. 10 июля. Ст. 1198.
11. *Пушкарёва Н. Л., Щербинин П. П.* Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // *Журнал исследований социальной политики*. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

13. *Фишер Е. С.* Общие проблемы снабжения населения продовольствием в тыловых районах Минского военного округа в период Первой мировой войны (на материалах Орловской губернии) // История. Общество. Политика. 2017. № 3 (3). С. 76–81.

Поступила в редакцию 30.06.2018

Грудина Алексей Дмитриевич, аспирант кафедры отечественной истории
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского»
241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14
E-mail: grudina81@yandex.ru

A. D. Grudina

"FOOD RATION LAW" AND THE FEATURES OF ITS REALIZATION IN RUSSIA AT THE INITIAL STAGE OF WORLD WAR I

The article is based on a number of the archival sources for the first time introduced into scientific use and is devoted to one of the areas in the system of social protection of families of the military personnel in the Russian Empire. The author briefly considers the development of the legislation in the field of the social help to soldiers' families from the moment of adoption of "Provisional rules of care for families of alternates and soldiers of the state militia" in 1877 and new changes of this law in the form of "provisional rules" in 1912 to the initial stage of World War I which introduced some amendments to the Russian legislation. The article traces the process of influence of "a military factor" on the formation of a new mechanism of impact on the soldiers who were at the front by means of changing the "Food Ration Law". The speed of discussion and adoption of this law outside the walls of the State Duma was the answer to the problems connected with voluntary surrender of the military personnel in captivity and mass desertion. On the basis of the documents which are stored in the Russian military and historical archive (RMHA) the process of discussion of the principles of the new law is reproduced, the participation of the headquarters of the Supreme Commander and the Ministry of Home Affairs in it is clearly demonstrated. The article reflects the problems connected with this interaction, which later led to the direct opposition of the military and civil authorities which accelerated the process of revolutionizing of the country.

Keywords: World War I, laws on the social help to families of the military personnel, food ration, desertion, prisoners of war.

REFERENCES

1. *Blohin V.F., Alferova I.V.* Predan'e administrativnoj stariny: "belye pjatna" na stranicah rossijskih gazet (vtoraja polovina XIX veka – 1917 god) [Legend of Administrative Old Times: "White Spots" on Pages of the Russian Newspapers (the Second Half of the 19th Century – 1917)]. *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], 2016, 3 (49), pp. 32–48. (In Russian).
2. *Bulgakova L. A.* Privilegirovannye bednjaki: pomoshh' soldatskim sem'jam v gody Pervoj mirovoj vojny [Privileged Poor People: Help to Soldiers' Families in the Years of World War I]. Na puti k revoljucionnym potrasenijam. Iz istorii Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [On the Way to Revolutionary Shocks. From the History of Russia of the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century]. St. Petersburg, 2001; Kishinev, Nestor-Historia Publ., pp. 429–493. (In Russian).
3. *Vinogradov V. V.* Imperator i Sovet ministrov po osnovnym gosudarstvennym zakonam ot 23 aprelja 1906 g.: istoriko-pravovoj aspekt [The Emperor and the Council of Ministers on the Basic State Laws of April 23, 1906: Historical and Legal Aspect]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 4 (99), pp. 172–179. (In Russian).
4. *Vremennye pravila 25 ijunja 1877 goda i zakon 25 ijunja 1912 goda po prizreniju semej zapasnyh i ratnikov gosudarstvennogo opolchenija (1914)* [Provisional Rules of June 25, 1877 and the Law of June 25, 1912 of Care for Families of Alternates and Soldiers of the State Militia]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Care and Charity in Russia]. Pg., Aug.-Sept., col. 635–642. (In Russian).
5. *Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie Soveta ministrov. O prekrashhenii vydachi pajka sem'jam dobrovol'no sdavshihsva v plen i dezertirov* [The Imperial Approved Provision of the Council of Ministers. About the Termination of Delivery of a Ration to Families of Deserters Who Voluntarily Yielded Themselves Prisoners]. *Sobranie uzakonenij* [Code of Justice], 1915, pt. 1, April, 29, col. 988. (In Russian).
6. *Dolidovich O. M.* *Popечitel'stva o sem'jah prizvannyh soldat v 1914–1917 gg. (na materialah Barnaul'skogo uezda Tomskoj gubernii)* [Patronage of Families of the Called to Arms Soldiers in 1914–1917 (a Case Study of the Barnaul District of Tomsk Governorate)].

- ul County of the Tomsk Province)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija [Bulletin of Kostroma State University. History], 2017, no. 45, pp. 16–21. (In Russian).
7. Imennoj Vysochajshij Ukaz Pravitel'stvujushhemu Senatu 29 avgusta 1914 g. O porjadke privedenija v dejstvie zakona 25 ijulja 1912 goda, v chasti, kasajushhejsja prizrenija semejstv nizhnih chinov, prizvannyh na dejstvitel'nuju voennuju sluzhbu [The Personalized Royal Decree to the Ruling Senate of August 29, 1914. About the Procedure of Actuating of the Law of July 25, 1912, in the Part Concerning Care for Families of the Lower Ranks which are Called Up for Active Duty]. Averbah O. I. Zakonodatel'nye akty, vyzvannye vojnoj 1914–1915 gg. [Averbakh O. I. The Acts Caused by War of 1914–1915], Ed. 2, Pg., 1916, vol. 1, pp. 208–210. (In Russian).
 8. Nagornaja O. S. Russkie generaly v germanskom plenu v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian Generals in German Captivity in the Years of World War I]. Novaja i Novejshaja istorija [Modern and Contemporary History], 2008, no. 6, pp. 94–108. (In Russian).
 9. Pavlova I. P. Social'noe popechenie v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [Social Care in Russia in the Years of World War I]. Krasnojarsk, Krasnojarsk. gos. agrar. un-t Publ., 2003, 152 p. (In Russian).
 10. Polozhenie o prizrenii nizhnih vojskikh chinov i ih semejstv [Provision on Care for the Lower Military Ranks and their Families]. Sobranie uzakonenij [Code of Justice], 1912, pt. 1, July, 10, p. 1198. (In Russian).
 11. Pushkarjova N. L., Shherbinin P. P. Organizacija prizrenija semej nizhnih chinov v gody Pervoj mirovoj vojny [The Organization of Care for Families of the Lower Ranks in the Years of World War I]. Zhurnal issledovanij social'noj politiki [Journal of Researches of Social Policy], 2005, vol. 3, no. 2, pp. 147–162. (In Russian).
 12. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)].
 13. Fisher E. S. Obshhie problemy snabzhenija naselenija prodovol'stvijem v tylovyh rajonah Minskogo voennogo okruga v period Pervoj mirovoj vojny (na materialah Orlovskoj gubernii) [Common Problems of Supply of the Population with Food in Rear Areas of the Minsk Military District during World War I (a Case Study of the Oryol Province)]. Istorija. Obshhestvo. Politika [History. Society. Politics], 2017, no. 3 (3), pp. 76–81. (In Russian).

Received 30.06.2018

Grudina A. D., postgraduate student at the Department of the National History
Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky
Bezhitskaya st., 14, Bryansk, Russia, 241036
E-mail: grudina81@yandex.ru